

CODE: НАЦИОНАЛИЗМ

ИТЕМ: МЕЖДУ НАЦИОНАЛИЗМОМ МАЛЫХ И НАЦИОНАЛИЗМОМ БОЛЬШИХ НАЦИЙ В НРАВСТВЕННОМ СМЫСЛЕ ЛЕЖИТ ПРОПАСТЬ. В ОТЛИЧИЕ ОТ МАЛОГО НАЦИОНАЛИЗМА БОЛЬШОЙ ОБЛАДАЕТ РАЗРУШИТЕЛЬНОЙ СИЛОЙ, ПРОПОРЦИОНАЛЬНОЙ СВОЕМУ ВЕЛИЧИЮ

Гласность

ГОРИЗОНТ

ФЕВРАЛЬ 8 (476) 1990

ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОМПАРТИИ ЛАТВИИ

Т. ИВАНОВА

С КЕМ ОБЪЕДИНЯТЬСЯ?

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ О НАЦИОНАЛИЗМЕ
И НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОРДОСТИ

... Но кому же все это сказать? Начинает казаться, что ряды единомышленников тают на глазах, не по дням, а по часам. Вот выйду я на площадь, разведу в стороны руки, крикну: люди, возьмитесь за руки, держитесь крепче, встанем цепью, чтобы защитить человеческое братство. Посмотрим в глаза друг другу. И пусть каждый скажет: я человек смертный, подобный всем. Я, родившись, начал дышать общим воздухом и ниспал на ту же землю, первый голос обнаружил плачем, одинаково со всеми. И ни один царь не имел иного начала. Один для всех вход в жизнь и одинаковый исход. В этом, а не в чем-то ином самая суть человеческой жизни — в общем родстве, а не в различиях.

Длинна ли будет моя цепочка?.. Длинна ли — если один из самых умных моих собеседников на днях мне сказал: все-таки пропаганду интернационализма нужно вести сейчас очень осторожно... Все-таки должна быть некая золотая середина между интернационализмом и национальным самосознанием...

Значит, даже самые умные... Даже члены партии, которая строилась и всегда стояла на том, что с интернационалом воспрянет род людской...

В газете «Литературная Россия» недавно была опубликована статья под заголовком «Русские всех стран, соединяйтесь!». Слепой не видит дискуссионности этого лозунга по отношению к словам, которые написаны в наших партбилетах: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Вы заметили, как мягко и изящно я выразилась: «... дискуссионности этого лозунга по отношению к...». Эта мягкость есть следствие собеседований с умными друзьями. Попросту по-своему я сказала бы совсем иначе. Хотите знать, как? Подобные лозунги есть не что иное, как стремление разрушить партию, подорвать самую ее основу. Потому что интернационализм — ее основа.

Ну, теперь поднимайте свой вой: русофобка! про восточный национализм — не пишет! про молдавский национализм — ни словечка! про армян, украинцев, евреев помалкивает! только русский национализм замечает, только с ним воюет, только его разоблачает! Сколько же я всего этого уже слышала...

CODE: НАЦИОНАЛИЗМ

ИТЕМ: МЕЖДУ НАЦИОНАЛИЗМОМ МАЛЫХ И НАЦИОНАЛИЗМОМ БОЛЬШИХ НАЦИЙ В ПРАВСТВЕННОМ СМЫСЛЕ ЛЕЖИТ ПРОПАСТЬ. В ОТЛИЧИЕ ОТ МАЛОГО НАЦИОНАЛИЗМА БОЛЬШОЙ ОБЛАДАЕТ РАЗРУШИТЕЛЬНОЙ СИЛОЙ, ПРОПОРЦИОНАЛЬНОЙ СВОЕМУ ВЕЛИЧИЮ

И еще раз, в который раз заявляю — в резолюции XIX партконференции сказано: каждый должен бороться со своим национализмом. С эстонским пусть борются мои братья-эстонцы, мои эстонские товарищи по партии. С молдавским — молдаване. Украинцы, армяне, евреи — с украинским, армянским, еврейским. А я буду бороться с русским национализмом, во-первых, подчиняясь резолюции партконференции, которая обязательна для меня не только по соображениям партийной дисциплины, но и потому, что близка моему сердцу. А во-вторых... Впрочем, может быть, это как раз во-первых... Я твердо считаю: ни молдавский, ни еврейский, ни эстонский, ни какой иной национализм малочисленного народа, как принято теперь говорить, серьезной угрозы моей партии не представляет, подорвать ее основу не может. В точности так же, как не могут нанести сокрушительного удара по нашему Союзу. Не могут потому, что самая большая часть КПСС — русские. Самая большая часть населения страны — русские. Самый многочисленный отряд в ЦК КПСС, в Совете Министров СССР, в правительстве, — русские, в депутатском корпусе.

И все счастье нашей страны — если можно говорить о счастье, все ее благополучие покоится именно на интернационализме русских, на интернационализме правящей партии. Интернационализм русских, интернационализм правящей партии сегодня гарантирует справедливость по отношению ко всем другим народам страны. Насколько этот интернационализм полон — настолько и прочны гарантии. Насколько он ущербен — настолько они и зыбки. Такова реальность. Ибо путь наш к становлению правового государства только еще провозглашен, но и первых шагов по нему мы не прошли.

Молдаване в Молдавии объявили молдавский язык государственным — русские бастуют. Эстонцы в Эстонии объявили эстонский язык государственным — русские бастуют... Вы скажете, что бастуют не только русские, а еще, например, поляки, гагаузы, а я вот фиксирую внимание опять на русских. Да. И — повторяю — делаю это сознательно. Потому что, бастуя против государственного языка, гагаузы на самом деле отстаивают право на жизнь собственного языка. А нашему языку ничто не грозит, никакое ущемление в правах, никакая дискриминация. Ему грозит только и единственно то, что сами мы к нему крайне небрежны, сами плохо его учим, коверкаем, засоряем.

Интересно: русские в республиках выступают за двуязычие. Но не для себя — для других. И бастуют — отстаивая свое право не знать никакого языка, кроме своего. Мало, чтобы эстонец говорил по-русски в Москве, в Кишиневе, в Ташкенте среди говорящих по-русски молдаван и узбеков. Надо, чтобы и в Эстонии эстонец говорил по-русски...

И этой позиции сочувствовать? Ее уважать? Увольте.

CODE: НАЦИОНАЛИЗМ

ITEM: МЕЖДУ НАЦИОНАЛИЗМОМ МАЛЫХ И НАЦИОНАЛИЗМОМ БОЛЬШИХ НАЦИЙ В ПРАВСТВЕННОМ СМЫСЛЕ ЛЕЖИТ ПРОПАСТЬ. В ОТЛИЧИЕ ОТ МАЛОГО НАЦИОНАЛИЗМА БОЛЬШОЙ ОБЛАДАЕТ РАЗРУШИТЕЛЬНОЙ СИЛОЙ, ПРОПОРЦИОНАЛЬНОЙ СВОЕМОУ ВЕЛИЧИЮ

О, между национализмом (приверженностью к национальному, предпочтением национальных интересов интернациональным, общечеловеческим) — между национализмом малых и национализмом больших наций в нравственном смысле лежит пропасть. Один объясним, естествен, простителен. Для другого естественных, нормальных причин быть не может просто и по определению. И прощать его нельзя, невозможно, потому что в отличие от малого национализма большой обладает разрушительной силой, пропорциональной своему величию.

Не забуду, как во время первого Съезда народных депутатов в один из критических моментов на трибуну вышел Рой Медведев и по книжке прочитал Ленина: «Необходимо отличать национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной, национализм большой нации и национализм нации маленькой. По отношению ко второму национализму почти всегда в исторической практике мы, националы большой нации, оказываемся виноватыми в бесконечном количестве насилия, и даже больше того — незаметно для себя совершаем бесконечное количество насилий и оскорблений, — стоит только припомнить мои волжские воспоминания о том, как у нас третируют инородцев, как поляка не называют иначе, как «полячишкой», как татарина не высмеивают иначе, как «князь», украинца иначе, как «хохол»... Нужно возместить так или иначе своим обращением или своими поступками по отношению к инородцу то недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом прошлом нанесены ему правительством «великодержавной нации».

Не помню в точности, в этом или ином объеме цитировал Ленина Медведев. А только коллеги-журналисты бросились искать цитату. Бросились — а найти-то и не могут. В «цитатниках», издававшихся в разные годы, в том числе и целевых, «по национальному вопросу», эти ленинские слова не приводились. Видно, чем-то не устраивали составителей.

Ладно. Но и съезд — съезд эти ленинские слова тоже не очень воодушевили. Депутату Червонопискому после слов, среди которых ключевым было «держава», аплодировали экстатически, встали, долго не могли успокоиться. А Владимиру Ильичу из вежливости похлопали, безо всякого удовольствия. Не любим, когда нам толкуют о национализме большой нации, не желаем слушать. «Вам, господа, нужны великие потрясения. А нам великая держава». Цитируя Столыпина, Распутин не решился сказать «держава» (русский писатель, понимает, в чем разница), сказал «страна». Бурные аплодисменты. Спел бы кто-нибудь с той трибуны «чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим» — на руках бы, наверное, понесли. И пусть бы все эти литовцы, эстонцы, грузины, узбеки и прочие, намекающие нам на статью Конституции о праве наций на самоопределение вплоть до отделения, чувствовали в этот момент, что хотели. Нас вона, сколько! Вершка не отдадим! Держава!

Не удалось тогда Владимиру Ильичу разрядить обстановку в зале. Он взывал к лучшим чувствам, но не дозволялся. И через несколько минут напряжение перешагнуло критическую отметку: литовская делегация покинула зал...

CODE: НАЦИОНАЛИЗМ

ИТЕМ: МЕЖДУ НАЦИОНАЛИЗМОМ МАЛЫХ И НАЦИОНАЛИЗМОМ БОЛЬШИХ НАЦИЙ В НРАВСТВЕННОМ СМЫСЛЕ ЛЕЖИТ ПРОПАСТЬ. В ОТЛИЧИЕ ОТ МАЛОГО НАЦИОНАЛИЗМА БОЛЬШОЙ ОБЛАДАЕТ РАЗРУШИТЕЛЬНОЙ СИЛОЙ, ПРОПОРЦИОНАЛЬНОЙ СВОЕМУ ВЕЛИЧИЮ

... Обидно, когда нас называют «оккупантами»? Еще бы не обидно! До слез. Потому что мы в самом деле никакие не оккупанты — мы сограждане, жители одной огромной страны, образованной до нас по таким, а не иным принципам. В нас видят «исторически виноватых»? Но и здесь все далеко не однозначно. У каждого присоединения к России, у каждого вхождения в Союз своя история. Странно и невежественно выдавать все сюжеты и коллизии за сюжеты и коллизии о насилии и принуждении со стороны России. В нас видят разорителей, устраивающих свое благополучие за счет добровольно и не совсем добровольно объединенных? Но это и вовсе несправедливо. Сколько раз Россия кровь проливала «за други своя». Сколько лет делилась поделним. И нельзя сомневаться — весь исторический опыт это подтверждает: так будет всегда...

Меня не просто волнует, душу мою терзает и до крови ранит напористое, обретающее организационные формы стремление части российской интеллигенции отказаться, отмежеваться от ответственности за общую судьбу народов Советского Союза. Представить дело так, будто от «старшего брата» младшие видели одно добро, а во всех своих, да и в российских бедах они же и виноваты. Мне кажется бессовестным из раза в раз печатно и устно пытаться представить дело так, что российские обиды обиднее прочих. И, наконец, мне кажется просто подлым, ориентируясь на темное сознание, на невежество, во всех проблемах всех народов страны обвинять евреев.

Бесчисленное количество «патриотических» обществ под разными наименованиями... Объединяйтесь по национальному признаку, по крови. Когда объединяются гагаузы, это понятно и объяснимо. Немногочисленный народ может объединиться по национальному признаку и при самых благоприятных для него обстоятельствах, чтобы устоять перед напором иных, обладающих большой проникающей силой культур, чтобы сберечь свой язык, свои традиции, обычаи, обряды.

От нашествия каких культур должны оборонить великую русскую культуру русские люди?

Увидена ли эта опасность в стремлении республик к максимальной самостоятельности — нормальной, если Союз на деле становится правовым демократическим государством? Значит, объединившись, русские должны противостоять стремлению республик к максимальной самостоятельности. Что, в свою очередь, значит противостояние созданию правового государства и становлению демократии. Не потому ли такой экстаз вызывает даже и само слово «держава»?..

Вызвано ли стремление к объединению чувством, что необходимо защитить русских, живущих в республиках, от обид? Но обид будет тем меньше, чем скорее русские в республиках станут жить в соответствии с русской пословицей — в чужом монастыре по уставу чужого монастыря.

От сталинизма и «застоя» русский народ натерпелся не меньше других. Но сегодня его справедливый протест против Административной системы пытаются направить в другое русло — обратить именно против других народов.

CODE: НАЦИОНАЛИЗМ

ITEM: МЕЖДУ НАЦИОНАЛИЗМОМ МАЛЫХ И НАЦИОНАЛИЗМОМ БОЛЬШИХ НАЦИЙ В ПРАВСТВЕННОМ СМЫСЛЕ ЛЕЖИТ ПРОПАСТЬ. В ОТЛИЧИЕ ОТ МАЛОГО НАЦИОНАЛИЗМА БОЛЬШОЙ ОБЛАДАЕТ РАЗРУШИТЕЛЬНОЙ СИЛОЙ, ПРОПОРЦИОНАЛЬНОЙ СВОЕМУ ВЕЛИЧИЮ

Нет, коммунистический лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» из совестливой, честной души никак не может быть вытеснен другим — призывом объединяться по национальному признаку.

Пытаясь осознать свою национальную принадлежность, вспоминаю того короля, который приколот себе желтую звезду, когда фашисты велели приколоть желтые звезды евреям. Вот идеал для порядочного человека. Мысленно прикалываю желтую звезду... Читая о блокаде Армении, чувствую себя армянкой. Читая трагическую историю немцев Поволжья, понимаю, что я одна из них. И одна из почти изведенных нашим варварством нивхов — я. И я — тот эстонец, который сказал на сессии Верховного Совета: «Конечно, немножко оскорбительно народу получать свою Родину в аренду...»

И я знаю, я точно знаю, что в любом конце моей огромной страны есть люди... они в первую очередь люди, а только во вторую — русские, армяне, евреи, молдаване, латыши, немцы, татары... есть люди, которые осознают себя так же. И чувствуют не только безмерную вину моего народа, но и всю его безмерную муку — как свою. О, мы понимаем друг друга, мы люди, мы братья, одним путем мы пришли в мир и уйдем одной дорогой. И что перед этим единством все на свете различия! И цепь наша, если мы возьмемся за руки, будет длинна и прочна. Потому что, знаете ли, какая на самом деле в мире самая древняя нация? Самая влиятельная? Самая солидарная? Оставляющая в истории самый заметный след? Я скажу вам. Это нация порядочных людей.

АНТИФЕЛЬЕТОН Татьяны ИВАНОВОЙ В ЗАЩИТУ БЛОКА ДЕМОКРАТОВ
ОТ НАСМЕШЕК "ПАТРИОТОВ-РОССИЯН"

«НОВОЕ ВРЕМЯ» № 20 90

ЖЕНСКАЯ ЛОГИКА

Они хотят попробовать еще раз

Татьяна
Иванова

Кто же все время
поучает нас,
читает нотации?
Кто поливает
грязью наших
депутатов, кто
вооперативно-
журналистском
лобби?»

В репортаже фельетониста «Трактир на Пятницкой» одна газета описала такой сюжет: демократы пришли поужинать в кооперативное кафе.

Смешно; конечно, до невозможности. А если присокупить, что за соседними столиками, возможно, сговаривались «кинуть за рубеж» железо, уран, ртуть... Да еще говорили, что скоро таких кафе будет много, «когда социалистическая конкуренция по-настоящему развернется»... Да рассуждали, что гуманный социализм будет отмыт «от всяких извращений»... Да собирали деньги в фонд «на нужды сладострастия»... Ну, обхохочешься!

А знаете, как демократов зовут-то? Афанасий, Харитон и Даниил. Бурные аплодисменты.

От остальных публицистических материалов этого, да и других номеров газеты репортаж фельетониста отличает в содержательном плане только один компонент. Шутка про «нужды сладострастия». Это ведь, наверно, про фонд «Анти-СПИД». Шутка шуточная. Ни, как видим, фельетонист, ни другие авторы и собеседники газеты СПИДа не боятся и особой проблемы в нем не видят. Сладострастие им чуждо (ой, я прямо обожаю таких мужчин!), об иных формах заражения СПИДом они и слыхом не слыхивали. Другое дело — демократы, кооперативы, кафе, совместные предприятия, иностранный капитал, гуманный социализм, конкуренция... Вот уж где настоящая опасность. Вот уж где проблемы, которые мрачат душу и леденят сердце.

Что касается Афанасия, Харитона и Даниила... Бурные аплодисменты, коллеги! Ну, тут уж вы дали, тут вы поддели, тут пригвоздили!

Но перелистаем другие страницы боевого издания, заглянем в газеты, близкие ему по духу. И убедимся, что все их пропагандистское и публицистическое здание

строится на разрушении... Что это я пишу, Господи, «строится на разрушении»?! Но как же, однако, писать, когда дело-то обстоит именно таким образом? Программа демократических преобразований разрушается, развенчивается, пригвозждается к позорному столбу. Что же взамен?..

Какие выступают люди! Обладатели двух, даже трех депутатских мандатов. Мощь и сила. Вожди. Не побоюсь этого слова: титаны! Что говорят?

Кооперативы запретить. Аренду отменить. Колхозы вооружить новейшей техникой. Совместные предприятия разогнать. В газеты и журналы типа «Известий», «Московских новостей», «Нового времени» посадить правильных редакторов (нынешних тоже лучше посадить). В республиках навести порядок. Митинги, шествия, выборы, забастовки, плюрализм, многопартийность, сессии Моссовета и Ленсовета запретить. Разговоры о частной собственности прекратить. И нас, вождей и титанов, оставить, оставить, оставить начальниками. Оставить нас депутатами — всего, начальниками — всего.

Вы скажете, что таких речей вы нигде и никогда не слышали. Конечно, не слышали. Вы внемлете речам пространным, по-хорошему взволнованным. И никто в тех речах над словами «гуманный социализм» не хихикает. И все говорят «мы за кооперативы, но...», «мы за аренду, но...», «мы за разнообразие форм собственности, но...». Так вот, именно из этих прекрасных речей, именно из вдохновенных предвыборных программ, из страстных предвыборных платформ, объединяющих истинных патриотов, а не каких-то Афанасия с Харитоном, я и вычленила суть. Выписала все подлежащее и все сказуемые. Остальное там — второстепенные члены, из которых состоят сплошь десятки предложений.

И заверяю вас: суть многочисленных статей, речей,

программ и платформ втиснута мною в абзац, начинающийся со слова «Кооперативы» и кончающийся словом «всего». Бесстрашно призываю вас сравнить статьи, речи и платформы с моим абзацем. Вы не найдете различий.

Они вот это все, что я вложила в абзац, провозглашают под песню «вперед, заре навстречу».

Позвольте, возражают им какие-нибудь Афанасий с Харитоном, но ведь это не вперед, а назад. Там мы уже побывали, и именно под вашим руководством. И к 1985 году увидели Россию разворванной, испоганенной, спившейся, посаженной на карточки. Погибали деревни, леса, реки, моря, страна погрязла во взяточничестве, разучилась работать... А ведь вы были при власти. Что же вы не построили благоденствия ни в одной отдельно взятой области?

Титаны... А есть еще и титанчики и титанишки. Хоть с кошки в парке культуры выступает, хоть со съездовской трибуны — речь одна: смотри подчеркнутый абзац. Любого, не поленишься, поскоблишь, так увидишь, что хоть с виду он простой, препростой рабочий, от самого что ни на есть станка 1856 года выпуска, а по-настоящему — член профкома. Титанишка. Тоже при застое жил год от года все лучше. Всем талоны к празднику по жребию, ему — в обязательном порядке...

К пропасти, говорите, шли? А это потому, что был плохой Госплан, плохой Госснаб, плохие министерства, плохие ученые составляли плохие пятилетки. Вот погодите, увеличим выпуск тракторов...

— Но у нас их давно больше, чем в Штатах!

— А вот оставьте нас в покое, мы построим настоящий социализм, радоваться будете...

Да. Они хотят попробовать еще раз. Это ясно. Оставьте их в покое, они же немного просят, каких-нибудь полвека.

ТАТЬЯНА ИВАНОВА О КЛАССАХ И "КЛАССОВОМ ПОДХОДЕ" К ПАРТИИ И ПЕРЕСТРОЙКЕ

Главлюди

Татьяна
Иванова

Те, кто настаивает на классовом подходе и прочих близких категориях, не хотят спасти страну — или даже партию. Властвовать они хотят...

10 - Н О В О Е В Р Е М Я № 30 80

Не знаю, почему я навсегда запомнила одно коротенькое читательское письмо, опубликованное в молодежной газете двадцать с лишним лет назад. Вот оно: «Интеллектуальный уровень общества значительно возрос. Наш комсорг, например, мыслит категориями».

Все эти годы я прожила с этим письмом в памяти. Слушая выступления с высоких трибун, часто думала: комсорг-то возрослет, карьеру делает... Выходят в главлюди!

Газеты стали печатать его биографию, интервью с ним. Несколько пятилеток подряд пробыв при власти. Да при какой! Несколько пятилеток подряд под его руководством приходило в упадок хозяйство, торговля превращалась в распределение, загаживались озера и реки, опшлялась культура, свивались от безделья, тоски и несправедливости люди, росла детская смертность и снижалась средняя продолжительность жизни — он не опускался до будней, до житейских проблем. Он мыслит категориями. Ларьки, в которых люди по дороге с работы покупают все необходимое, снести. Они портят облик города, борющегося за звание образцового коммунистического. Старинный дом на углу — сломать, мешает нашему движению вперед. Послать бравых ребят в пригородные огороды, чтобы сокрушили теплицы, — нажива и социализм несовместимы... Ну и так далее, и тому подобное. Написано и сказано о его подвигах за последнее время порядочно (хотя далеко не все) — не стоит повторяться.

Сегодня страну, доведенную им до ручки, надо спасать. Но что вы думаете? Он по-прежнему мыслит категориями! «Социалистические завоевания», «коммунистические идеалы», «социалистические ценности», «деструктивные силы», «здоровые силы», «опора на массы», «так называемые неформальные лидеры»,

«желтая пресса», «возврат к капитализму»... Словарь категорий беден, но строг. Так, например, никто не может произнести «вперед к капитализму», обязательно «назад». Хотя если мыслить не категориями, а обыкновенно, то непременно спросишь хотя себя, раз больше некого: если жизненный уровень в капстранах куда выше нашего, то где зад, а где перед?..

Шел съезд, люди, мыслящие категориями, друг за другом всходили на трибуну, а я все пыталась понять одну из категорий, часто мелькавшую в речах: «Классовый подход!», «Мы пренебрегаем классовым подходом!», «Мы забыли классовый подход, оттого на нашем съезде так мало рабочих и крестьян!»

Какие в нашем обществе классы? Рабочие. Крестьяне. Интеллигенция. Впрочем, интеллигенция — не класс, а прослойка. Или нет, несколько лет назад, кажется, ее объявили классом...

«Мы должны твердо заявить: наша партия — партия рабочего класса, и мы будем отстаивать его интересы!» — с пафосом провозглашает один оратор.

Другой, видимо, полемизируя с этим (перед кем, мол, отстаивать интересы рабочего класса, не крестьянство же на них покупается...), заявляет: «Коммунистическая партия была, есть и останется партией рабочего класса и трудового крестьянства!»

Третий, вспомнив, видимо, как когда-то защищал диплом инженера, спорит: «Мы, коммунисты, являемся партией рабочих, крестьян и интеллигенции!»

Нет, братец, так не пойдет: «... Рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции!» (Гуняждствующую интеллигенцию нам не надо, пусть не примазывается.)

Тут на трибуне оказывается пятый, видимо, по понятиям этого зала, левый радикал, а то и экстремист: «Коммунистическая партия — партия всего трудового народа!» — и в голосе его звенит отчаянная дерзость.

Но один за другим следующие ораторы, кто с угрозы в голосе, поправляют его (его, впрочем, не называя и не

упомягая: стить полемики таков, что каждый оратор чувствует себя на трибуне первым, единственным и последним, будто до него — никого и после не предвидится): «Классовый подход!», «Забыли классовый подход!», «Пренебрегаем классовым подходом!»...

Итак, рабочий класс. Давайте разберемся, что это у нас за класс такой. Многие ли знают, что машинистка и парикмахер — рабочие? И мясник в вашем гастрономе — один из самых богатых людей района — рабочий. И продавцы винно-водочных изделий. И все остальные продавцы и кассиры. Полагаю, что при выведении всех так называемых дельцов теневой экономики на чистую воду мы с изумлением увидели бы, что не меньше двух третей из них — рабочие.

В зловещих телесюжетах о хищениях, например, с мясоккомбинатов участвуют представители сразу нескольких рабочих профессий.

Страшная статистика преступлений свидетельствует: почти половина их совершается рабочими. Ее приводит фильм «Так жить нельзя», и она, надо сказать, производит большое впечатление...

Ладно, давайте о другом. Эта обувь, которую нельзя надеть, эти платяки, костюмы, пальто, на которые покупатель не смотрит даже сейчас, когда смотреть ему не на что, — не рабочие ли создали? А дома с кривыми стенами и незакрывающимися дверями? А швы на газопроводе под Уфой кто заваривал? А кто моет тарелки в общепитовских столовых, тарелки, ложки, вилки, до которых дотронуться противно, пользоваться опасно? Кто кладет новый асфальт в лужи? Кто крадет мясо, масло, яйца, муку из столовой в детском доме? Кто тащит с заводов, фабрик, строек все, что можно утащить? Кто пропил, продал налево все, что можно пропить и продать? Кто матерится в полный голос в автобусах, на улицах, всюду, не щадя детей, не стыдясь женщин? Кто, друзья мои, своими трудовыми, мозолистыми руками превратил нашу жизнь в сплошное унижение и пародию?

Но и об этом не будем, ладно. Давайте совсем о другом. Если рабочий носит чистый костюм и очки и работает на станке с ЧПУ, если он читает Пастернака и понимает юмор — он рабочий? Или интеллигент?

А если он шофер, но интеллигент — он какому принадлежит классу? Рабочему? Или прослойке? Ну, если в шляпе, газету на английском языке читает и стихи сочиняет?

А если он поступил на первый курс института, а днем у станка?

И — совсем на засыпку вопрос: если он вчера был токарем, а сегодня защитил диплом конструктора, учителя, экономиста?.. Он сегодня еще его величество рабочий класс? Или уже не величество, а так, прослойка? И после какого курса, куда являться заочнику на перерегистрацию из класса в прослойку? И к кому ему с момента перерегистрации испытывать классовое чувство?

Может быть, партийные ходатай за рабочий класс не хотят, чтобы рабочие учились, становились интеллигентами?

Может быть, те ораторы на партсъезде хотели бы представлять от нас наших глазах рождающегося рабочего движения? От стачкомов Воркуты, Донецка, Кузбасса? Только что-то оттуда встречных жестов не видно. Наоборот, слышны призывы к коллективному выходу из партии...

Разберемся с крестьянами. Стародубцев у нас, например, официально провозглашенный крестьянин. Ну, пусть. Приплюсуем сюда и всех участников недавнего съезда крестьян — щедрой рукой. Хотя на свете не так мало людей, которые над «крестьянством» участников того съезда насмешничают и подвергают его всяческим сомнениям. Злые люди, бог с ними.

Кто же у нас, однако, еще в крестьянстве? Рабочие совхозов — рабочие. Колхозники?.. Механизаторы — рабочие, мастера машинного доения — тоже. Агрономы — прослойка, бригадиры — опять прослойка. Да еще сколько там студентов-заочников...

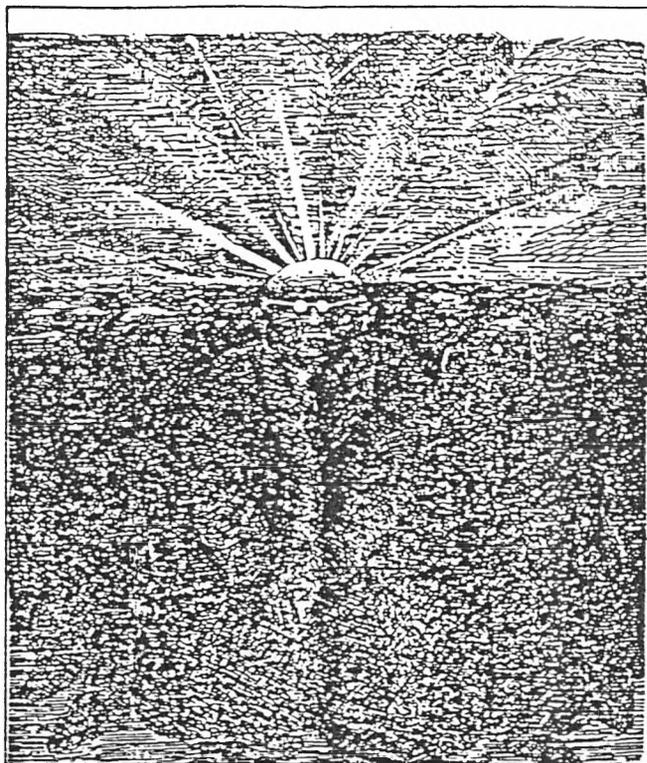

Рисунок Райно Таукса

Нет, наверное, все-таки крестьяне — это, как по словарю, люди, работающие на земле, которая им принадлежит. Стало быть, тетка, которая продает клубнику на базаре по десять рублей за килограмм, — крестьянка? Но она всю зиму у дочки в городе живет и внуков нянчит. Она вообще ни под какую категорию не подпадает. Таким нет места в нашем обществе. Среди здоровых сил.

Значит, остаются фермеры и арендаторы. Отлично. Партия с ними! А не с теми, кто ставит им палки в колеса, поджигает их свинарники, сыплет битое стекло под ноги их лошадей, травит их кур, да и их самих со свету сживает.

Правда, среди них много индивидуалистов. А коллективная собственность — незыблемая, если мыслить категориями, социалистическая ценность. А индивидуальная собственность или, сохрани господи, частная, пусть хоть и трудовая частная, — попрание идеалов, откат назад, к капитализму, расшатывание основ.

Так что надо погодить. Насчет крестьянства-то... вот союз с союзом Стародубцева — и, пожалуй, хватит пока.

Переходим к интеллигенции. Святослав Федо-

ров — интеллигент? Здоровая сила? Вроде так... Но кто это сказал про съезд: «Скукота! Перемысливание старых идей, дикая тоска по сталинизму и брежневизму. Оторванность от жизни, цепляние за власть, агрессивность. Полное отсутствие конструктивных идей». Он сказал. Пожалуй, он все-таки не трудовая интеллигенция, а деструктивная сила.

Алесь Адамович — трудовая интеллигенция? Пожалуй. Несколько книжек написал. Это все-таки труд. На днях десять минут перед тридцатитысячной толпой говорил — толпа слушала замерев. Может, он лидер? Нет, он «так называемый неформальный лидер». С такими нам не по пути. Такие, как он, на столбе бумажку повесят: тогда-то, мол, и там-то митинг, и народ со всего города едет. Популисты.

Травкин! Вот такие, как Травкин, очень годятся. Рабочий. Образование высшее партийное. Самая что ни на есть трудовая интеллигенция! Правда, Травкин сам из партии ушел...

Плохо. Ученые — митингуют, журналисты — очерняют, медики — грозят забастовками, жаждут денег, в кооператоры по-

дались, музыканты — уезжают, художники — картины на Запад продают...

Класс это или прослойка? Не подходящий класс, сомнительная прослойка. И опять же, какие у них общие интересы? Классовые (прослойчатые)? У одного суп жидок, у другого жемчуг мелок.

Да и потом, кто, в самом деле, назначает интеллигенты? Диплом? А если с дипломом, но хам — к какому его классу? А если академик, но доносчик — все равно интеллигент?

С классами в нашем обществе, дорогие соотечественники, все крайне неопределенно, зыбко, размыто. Такое странное общество, где все перемешалось. Почти как во всем остальном мире... Интеллигенты есть среди представителей любых профессий. Далеко не все люди с высшим образованием — интеллигенты. Всюду есть люди, которые честно, умело и красиво трудятся, владеют ремеслом, мастера. И везде сколько угодно бездарей, халтурщиков, пьяниц — люмпенов, как раньше говорили. Честным людям хочется много и честно работать, жить побогаче — это естественно. Хочется покоя, мира, здоровья. Очень не хочется всяческой болтологии, вранья, лицемерия... Это не классовые, это общечеловеческие интересы. Оставить бы нам для истории странную, во всяком случае, сегодня лишнюю всякого смысла категорию — «классовый подход».

Тех же, кому эта категория очень близка и дорога, попрошу ответить (мне не надо, себе ответьте) на такой вопрос: к какому классу принадлежат работники партийного аппарата? А его, как принято говорить, высших эшелонов? Разрешается, готовясь к ответу, пользоваться философскими словарями любого года издания. Раскрыть на статье «классовые образующие признаки».

Мне кажется, что сегодня люди, настаивающие на классовом подходе и прочих близких категориях, не хотят спасти страну. Они не хотят спасти даже партию. Властвовать они хотят. А власть уходит.

ГИМН ЧАСТНОМУ СЕКТОРУ И КООПЕРАТОРАМ: : "С ВОСХИЩЕНИЕМ СМОТРУ НА НИХ И ДУМАЮ: КАК ИМ УДАЛОСЬ ВЫЖИТЬ? КАК УДАЛОСЬ УЦЕЛЕТЬ НА РУСИ ДЕЛОВЫМ И ПРЕДПРИИМЧИВЫМ ЛЮДЯМ?"

Кооператоры, частный сектор, рынок...

28 • Н О В О Е В Р Е М Я • № 32 90

Татьяна
Иванова

Разрешите представиться: член журналистско-кооперативного лобби. Я решила, что больше нет смысла таиться, ведь рано или поздно все равно выведут на чистую воду, а тайна томит. Лучше разом...

Я, как выдаться свободный час, отправляюсь на пресловутый Рижский рынок. Брожу там между ларьками, разглядываю витрины. Сколько красивых вещей! Как чудесны юбки, блузки, платья, свитера, брюки... Сумки! Вышивка на кофтах и платьях! Клеши и плиссировки (мне бы такие лет десять назад)! А как сверкают витрины, как много они, даже самые маленькие, вмещают! И продавцы — предупредительные, вежливые, всё «пожалуйста», «будьте любезны», «сейчас я постараюсь найти ваш размер», «посмотрите, может быть, вам подойдет вот это»...

Ей-богу, ларечки на Рижском рынке выглядят ничуть не хуже, чем такие же лавочки, магазинчики в Польше и Венгрии двадцать с лишком лет назад. Ншкая разница.

Правда, двадцать с лишком лет назад в Польше и Венгрии их было раз в сто больше... Но это уж другой разговор. На то существуют какие-нибудь уж очень серьезные причины, которые должны осмысливаться глубокими мужскими умами. Может, там еще в те времена экономика было больше, чем политэкономия. Или члены журналистско-кооперативного лобби в тех странах были понапористее, поотважнее, поупрямее, чем мы, здешние. Может, тамошние польские и венгерские мужчины просто больше любил своих польских и венгерских женщин и не могли равнодушно видеть, как они облизываются при виде любой капиталистической тряпки... Ради женщин они даже немножко поступались принципами... Не знаю. Знаю только, что двадцать с лишком лет назад для нас, женщин страны окончательно и бесповоротно победившего развитого социализма, любая польская или венгерская

тряпка (из тех лавчонок) была вожаделенной.

А сейчас можно пойти на Рижский рынок. И если сравнивать красоту и изобилие всего, что там продается, не с Польшей и Венгрией давних лет, а с нашими универмагами, с нашими магазинами «Одежда», с нашими государственными шляпами и сумками (наша государственная женская сумка по степени чудовищности не знавала себе равных в мире), — если, повторяю, сравнивать с товарами госсектора, то кооператоры, без сомнений, дают не сто, а тысячу очков вперед.

Людей они приодели. И приобули. Толпа у нас другая стала, куда наряднее, чем была. Ярче, веселее, праздничнее, моднее.

Я ела кооперативные шашлыки — вкусны. И плов — пальчики оближешь. И любовалась проворством, доброжелательностью шашлычников и пловщиков. Я рада, что в моем городе нетнет да и разнесется дивный аромат их замечательных блюд. Дороговато? Да просто дорого. Для меня, например. Но я и не собираюсь ходить к ним каждый день обедать. А, судя по длиннейшим очередям, выстраивающимся к их прилавкам, нужны они очень многим. Особенно в нашем городе, который давно разучился подавать голодному еду, жаждущему — воду.

Дорого?

Но в прежние, дошашлычные времена это блюдо было мне совсем недоступно. Согласитесь, как-то странно было бы мне стоять часами в государственный ресторан с улицы, потом часами сидеть там, дожидаясь, выслушивать государственное хамство официантов и испытывать их государственное же презрение, и оставлять там совсем уж фантастическую сумму денег...

Продолжаю раскрывать свою низкую душу. На

всеми добрыми людьми презираемом Рижском рынке я купила себе эlegantное пальтецо, сшитое, видно, талантливыми руками, — за 220 рублей. И модную уютную куртку — за 150. Видела еще один замечательный свитер. Впрочем, пока я хожу и думаю, кто-нибудь его, наверное, схватит...

Я понимаю, какое омерзение у многих вызывает эта информация. Но что делать — и на пальто за 220, и на куртку за 150 я заработала.

Если быть до конца правдивой, я пользуюсь даже теми кооперативными учреждениями, которые у многих сограждан вызывают особую ненависть. Плачу! Где десять копеек, а где, если с дезодорантом, и двадцать. Зато не надо нервным взглядом окидывать проходные дворы и подъезды и искать, где на бульваре погуще кустарник. Более того: расход в десять и даже в двадцать копеек никак не сказывается на благосостоянии моей семьи и даже кажется мне адекватной платой за чистоту учреждения и вежливость персонала.

...Николай Иванович Рыжков недавно доложил, что в стране, к несчастью, очень хороший в этом году урожай. К несчастью, потому что его, такой большой, не удается убрать. И почему-то колхозники никак не сдают его в закрома Родины. Поэтому нам надо делать колоссальные закупки по импорту. Но у нас, к несчастью, очень плохо с валютой.

Очередной документ потрясающей человеческой силы. У нас все — к несчастью. Самые богатые в мире полезные ископаемые, но, к несчастью, нет горючего, нет топлива, урожай не на чем возить...

Кооператоры, которые из самых безобразных в мире тканей, окрашенных самыми безобразными в мире красителями, шьют для нас юбочки и кофточки глаз не оторвать, — кооператоры повернули бы наши обстоятельства к счастью. В этом у меня нет сомнений. Вы скажете — преувеличиваю, не так уж и хороши кооперативные вещи? Это смотря с чем сравнивать. Наша точка отсчета — абсо-

ГИМН ЧАСТНОМУ СЕКТОРУ И КООПЕРАТОРАМ: 12/

лютный ноль, уровень, достигнутый усилиями государственной промышленности.

Кооператоры, частный сектор, рынок... Пока номенклатура, объединившись с лодырями, халтурщиками, бездарью, ставит палки в колеса кооперации, частному сектору и рынку, мы хоть как-то все семьдесят лет живы, одеты и сыты... благодаря кооператорам, частному сектору и рынку.

«Общественная собственность должна доказать свою большую эффективность, чем частная», — провозгласил недавно один из теоретиков марксистской платформы в КПСС в интервью газете «Советская Россия». Нельзя ли им всем, голубчикам, выделить для продолжения эксперимента какую-нибудь отдельно взятую область? Пустой земли у нас много, вся лопухами и чертополохом поросла. Энтузиастов социалистического выбора — вон, целый Учредительный съезд РКП, да чуть не весь XXVIII... Пусть бы ехали, пусть бы уговаривали общественную собственность, пусть бы ей приказывали, воспитывали бы ее, глупую, глущую, несчастье наше бесконечное. Может, она бы у них, правда, заработала. Мужики там все здоровые, женщины всё с укладками, как бы навалились без нас-то, без лоббистов, экстремистов и прочего вредного народа, так, глядишь бы, и выправились.

А мы бы уж тут, как умеем.

Вспомнила я недавно один старый польский анекдот, примерно из тех времен, когда у них в лавчонках было, как у нас. Приезжает будто бы Гомулка на завод. Спрашивает у рабочих: «Что паны палят (палить по-польски, как и по-нашему, и «курить» и «жечь»). Они называют марку хороших сигарет. «А если мы, — Гомулка говорит, — немножко вас попримем, что будете палить?» Они называют сигареты подешевле. «А еще попримем?» «Спортивные», — рабочие отвечают (это у них были самые дешевые

сигареты). «А еще попримем?» — не унимается Гомулка. — Что тогда будете палить?» «Комитеты», — отвечают рабочие.

Я этот анекдот вспомнила так, кстати. Мне сейчас из Горького один знакомый звонил. Все, говорит, оказывается можно было терпеть. Водку страна заменила самогонкой. Но смотреть сейчас на курильщиков в Горьком... На людей с красными воспаленными глазами, злых до черноты... Страшно смотреть. Нету курева в Горьком. Даже у спекулянтов нету.

Интересно, есть ли в Воркуте, Донецке, Кузбассе?..

Что будут там паны палить?..

К несчастью, говорит Николай Иванович, нам нужно переходить к рынку. К несчастью, у нас нет другого выхода. К несчастью, нам придется жить, как живут во всем мире все остальные люди (за исключением разве что тех, кому выпало счастье жить под руководством самых идейно стойких вождей, — у тех тоже все «к несчастью»).

Между тем наш руганный-переруганный, с таким ужасом ожидаемый многими рынок уже ре-

шил некоторые наши — пусть не самые насущные — проблемы. Посмотрите, цветы теперь не проблема, они продаются круглый год, государство отродясь не умело составить такие изящные букеты. Жаль, конечно, что цветы не едят...

А теперь вспомните, как еще пару лет назад государство, поняв, что за джинсы молодые люди начали друг дружку лишать жизни, закупило этот невероятный для общественной собственности предмет у гнилых капиталистов и принялось продавать в универмагах. Припомните, будьте любезны, государственные ценники. Триста рублей, двести пятьдесят — и отдай, не грехи. Так вот, благодаря кооператорам цены на джинсы понизились вдвое, а то и втрое. И каждый может купить, посмотрите по сторонам и убедитесь, что без джинсов только вы да я.

Обратите внимание на книжные полки. По рыночным ценам — но купить можно едва ли не всё. Дорого? А не надо скупать подписные издания для интерьера, давайте покупать только книжки, которые мы успеем прочесть за

свои и так недолгие, да еще и укороченные безобразным бытом и бесплатной медициной жизни.

...Вы, наверное, думаете, что теперь-то я уж до конца раскрыла свою низкую душу? Если бы так! Лечить зубы я хожу только в кооператив на Аргуновскую улицу: за полтора часа там делают то, что в районной поликлинике за пять визитов. Да еще и ласково, да еще и бережно.

Теперь все? Нет. Самое страшное впереди: я с восхищением смотрю на кооператоров и думаю: как же им удалось выжить? Как удалось уцелеть на Руси предприимчивым, деловым людям, ведь эту породу истребляли семьдесят лет кряду. Депутат Сухов, видно, отвернулся бы от меня с презрением и гневом, когда узнал бы, что, купив чудную ереванскую кофеварку (стоящую в Ереване шесть рублей) у московских кооператоров за восемь рублей, я несла ее в сумке и раздумывала, что Афанасий Никитин, ходивший, как известно, за товаром за три моря, был прародителем торгово-закупочных кооперативов. Что торгово-закупочные кооперативы — неотъемлемая часть торговли, наш путь к «общему рынку» внутри огромной страны и за ее пределами...

Рынок, сограждане, это не повышение цен. Вернее, не только повышение цен. Это тотальное снижение цен на все некрасивое, немодное, невкусное, плохо сработанное, халтурное. Весь бездарный товар, который мы с вами изготавливаем на своих фабриках и заводах, станет дешевле дешевого. Поидет за молотка, на распродажу, за копейки.

И, может быть, мы заново научимся работать, овладеем мастерством, станем умельцами?..

А ни одного кооператора я лично не знаю. Ни с кем из них никогда не говорила, не встречалась... Но я их лоббист, сограждане, их болельщик, поклонник и почитатель. И когда, помнится, Иван Полозков грозил пальцем журналистско-кооперативному лобби, я знала, что это — про меня.

Рисунок Василия Дубова

Т. ИВАНОВА О СЪЕЗДЕ КПСС: ОТРЫВ ПАРТИЙНОГО АППАРАТА И ГЕНЕРАЛИТЕТА ОТ ОБЩЕСТВА. Е. ЛИГАЧЕВ, В. ЕЛЬЦИН и др.

(1)

Книжное обозрение

№ 28, 13 июля 90

стр. 3, 15

Татьяна ИВАНОВА.

ЕСТЬ И ТАКАЯ ПАРТИЯ!

...Я вышла из дому, когда съезд большинством голосов решил открыть.

Напротив автобусной остановки деревенский магазин. Я решила заглянуть туда: нет ли сигарет или хоть папирос — в городе не удается купить ничего. Нет, разумеется. В раскаленной (жара по утрам в нынешнем июле безжалостна), напичканной тузлой рыбной акульей духоте перед прилавком стояла толпа потных растрепанных старух, прижимающих к себе вопящих, валяющихся, испуганно притихших детей. Старухи вытаращивали глаза, злобно кричали друг на друга: дебатировался вопрос, кто за кем занимал.

К дверям с интервалом в полминуты подруливали то колхозные грузовики, то бульдозер, то трактор, то «Жигули». Злые мужики в грязном, в расстегнутых до пупа рубашках локтями распахивали старух, пробивались к прилавку.

— Курить есть! — спрашивали угрожающе и, когда слышали резкое, остервенелое «Нет! Тыщу раз сказала!», грязно во весь голос матерясь, разворачивались, ни секунды не думая, что дитю или бабке отваливают ногу...

Когда подошел автобус, на съезде обсуждались процедурные вопросы.

Нас прижало друг к другу — пусть граждан одной страны, пусть соотечественников, пусть земляков, но ведь все-таки разнополых, едва прикрытых в немилосердную жару тонкими тряпками — нас прилепило друг к другу так, что нельзя было пошевелить ни рукой, ни ногой и невозможно было достать из кармана мелочь. Но никому не было стыдно. Мы не могли себе позволить такую роскошь — стыдиться. Р-р-раз — это молодой отец захлопнул свободной рукой фрамугу в потолок, чтоб не дуло его младенцу (младенец на его другой руке обессилелю, безнадежно покусывал, как все, сплюснутый, потный, зажатый). Р-р-раз — скользнул к плечу цветастый рукав: мощная женская рука распахнула фрамугу — другие, что, подохнуть здесь должны из-за этого ребенка?!

Парни, свесив головы в колени, делали вид, что они спали, чтобы никому не уступить место. А может, в самом деле спали. Кто знает, с какой они работы...

Автобус несся к электричке. А

я думала про несчастных старушек со внучками, пропадающих в магазине. Они там ждали, когда привезут молоко и продадут им по выдаче, по списку. Дети не могут без молока... Разъяренные, клычатые старухи превращаются в человеческих условиях в добрых старушек, рассказывающих внучкам сказки, пасающих их, они становятся прекрасными, потому что молодые бывают красивы, а старые прекрасны. И внуки, вынужденные ласковыми бабушками, никогда не обратятся в чудовищ, изрыгающих столбовой мат при детях и женщинах, отдавливающих сапогами их хрупкие от старости или младенчества пальцы.

Я думала, что никому из тех, кого увидела в это утро, никогда не удастся пожить нормальной, не униженной жизнью. И от жалости к ним хотелось плакать.

От жалости к ним, а не к себе! Ведь и мне не удастся. Да, к ним, именно так. На себя почему-то наплевать. Своя жизнь почему-то давным-давно почтается состоявшейся, конченной, и ничего от нее не надо, и ничто в ней не страшно. Жаль только других — близких и чужих, земляков, сограждан. Жаль детей, жаль молодых, но старух и стариков еще больше — им уж точно ни до чего хорошего не дожить.

Ни до молока для внуков. Ни до лекарства от сердца, от боли, от удушья.

Существует ли в мире еще хоть одна страна, кроме нашей, где в аптеке нельзя было бы купить обезболывающее? Или сердечное?

Мы уникальны. Такой безжалостной жизни друг для друга на земле больше не создал никто.

И формации людей, у которых нет никаких личных желаний, которые за себя абсолютно не бояться, тоже, наверное, не создал никто. А у нас есть такая формация.

На эту странную тему мне не приходилось беседовать с единомышленниками. Но я знаю, что их много, чувствую и без общения, на расстоянии.

XXVIII съезд КПСС — по чувству, на слух, в первом чтении, в картинках, в прочтении с карандашом в руках

Генерал Макашов грозил пальцем около наших носов. Напрасно. Если бы он вдруг принял свои угрозы в реальность («народ побьет камнями» — эфемизм, это ясно, армия возьмет власть в свои руки, в вас постреляют и перессажат в тюрьмы; вот что имел в виду генерал), нам было бы жаль близких, сограждан, детей и стариков. Но не себя. Этого он, к сожалению, не способен понять.

Травкина он хотел припнуть? Или Гавриила Попова? Собчака? Егора Яковлева? Коротича? Ельцина?... Смешно...

Множество людей преодолели, или изжили в себе инстинкт самосохранения. Может быть, этот инстинкт просто насытился в отцах и матерях, в дедах и бабушках — насытился и затих. Может, он иссяк еще в них — иссяк, потому что не знал ни минуты роздыха. Но в нас он мертв. И поэтому мы бесстрашны.

Осознающие этот факт бесстрашны. Но бесстрашны и неосознающие, вот что надо бы, необходимо было бы понять генералам типа Макашова. Если у них хоть на дне души еще есть в самом деле любовь к отечеству.

«Разве это жизнь? Да гори она огнем, ее не жалко, лучше сдохнуть!» — вот что на самом деле выкрикивали осатаневшие мужики в том деревенском магазине, когда им не досталось даже покурить, а бесстыжий мат был только эфемизмом. Они орали свои матерные проклятия при старухах и детях, потому что в них нет боль-

Т. ИВАНОВА. Размышления о съезде КПСС

(2)

ше ни любви к жизни, ни инстинкта жить, ни надежды, что человеческая жизнь возможна.

Только в этом случае можно не стыдиться матерей, плевать самому на себя, не щадить детские уши.

Мы дошли до ручки.

Мы доехали до станции.

Без всякого предупреждения отменили подряд две электрички, и жалкая толпа под пальцем солнцем — ни навеса, ни скамейки, ни глотка воды, разумеется, — топталась на перроне, теряя силы, наливаясь злобой, испытывая, изживая в себе остатки жизнелюбия.

— Граждане, нет ли у кого хоть глотка воды? Ребенку...

— Беги, мать, в поселок через дорогу, там за углом колонка.

— Как я с коляской побегу?!

— Извини, твое дело...

И это жизни? Да лучше сохнуть. Перестреляйте нас, товарищ генерал, к чертовой матери, хоть отмучаемся.

Съезд приступил к заслушиванию отчетного доклада ЦК КПСС...

Помню, как в том же автобусе и в той же моей электричке люди в дни работы съездов народных депутатов ухитрились возить с собой транзисторы, спрашивать друг друга: «Ну, кто там говорит? Ну, что там?» А сегодня — ни одного транзистора, ни одного вопроса. Впрочем, вот молодая женщина у окна — с наушниками. Подсяду-ка к ней:

— Простите, что там, на съезде? — смотрит на меня как на дикую: — На каком съезде? Мое какое дело? Я музыку слушаю...

О чем говорили люди в эти дни? О футболе. О делах в Российском парламенте. О сессии Моссовета. О генерале Калугине. О своих делах... О партийном съезде? В райкомах, парткомах, в редакциях, конечно, говорили и о съезде. В городе и в деревне мало кому он был интересен, считанным единицам.

Человек из толпы, из очереди, из переполненного автобуса, я примеряю на себя вопрос: почему? Почему мне нужна была только самая краткая информация о съезде, а не нужна была, например, его полная трансляция? Почему? Ведь еще недавно я ловила, внимательно читала, обдумывала каждое слово, доносившееся с партийных форумов? Если мне удастся точно ответить на этот вопрос самой — значит, ответ годится и для массы других людей. Я постоянно убеждаюсь в том, что мое восприятие банально или, если хотите, типично; обыкновенно, массово — подходит любое слово.

С первого съезда народных депутатов СССР я стала замечать, как интерес к партийным форумам уменьшается. Он падал от месяца к месяцу. Прежде было важно каждое слово, порядок слов, их сочетание. От слов, сказанных с трибуны съезда, партийного пленума, менялась жизнь. Как Генеральный секретарь оценил то или иное явление в своем докладе? От этого зависела степень свободы. Послушные газеты (и я сама, их автор) двигались только в пределах клетки из слов. Прутья стальные. По ним пропущен ток высокого напряжения. Редактор Н. опубликовал статью журналиста К., где с помощью злого языка было произнесено нечто, обманувшее ток. Замыкание произошло позже, когда слово вырвалось на волю. Редактор Н. переведен на работу в профсоюзы. В газету пришел бывший инструктор провинциального обкома, читатели оплакивают свою газету, но взамен ее под тем же названием получают другую. Журналист К. поменял профессию. Цены и налоги, ввод или вывод наших войск с чужих территорий, отношения нашей страны со всеми странами мира, строительство новых предприятий — все решалось там, в верхних эшелонах партийной власти.

Но год назад, с первого съезда народных депутатов стало ясно, что монополия, воспринимавшаяся обществом, как беспредельной, бесконтрольной, часто непонятной, неподдающейся осмыслению, могучей, далекой, недостижимой власти поставлен предел.

И за этот удивительный год, стоящий десятилетий, власть вообще переменилась. Слова «власть переменилась» я употребляю тут в двух смыслах сразу. Я-то сначала ведь не поняла, в чем дело. Что это я, думаю, отчеты с пленумов больше не читаю, а сессии депутатские так жадно смотрю? Вот, оказывается, в чем дело. Слова, сказанные на сессиях, теперь реально влияют на жизнь, а сказанные на пленумах — никак не влияют. Вернее, влияют только на содержание газеты «Правда».

Ладно. Дальше — больше. Вдруг оказалось, что сессия Моссовета смотреть важнее, чем сессия Верховного Совета СССР. А когда пошел наш, Российский съезд, то большая сессия совсем померкла. Теперь надо было включаться в Российский парламент да в московскую сессию. Жизнь переместилась сюда. А ведь здесь ее не было на памяти не только моей, но и ряда предшествующих поколений.

Потом произошло два события. Николай Иванович Рыжков объявил, что в срок (он назвал точную дату) повысятся цены на хлеб. Мы, люди, не полные идиоты. Мы смекнули, что это — тотальное повышение цен. На макароны и крупы — потому что они есть хлеб, на мясо и кур — потому что скот и птицу кормят хлебом. А значит, на все остальное, потому что дорогое возить, продавать, перерабатывать дороже стоит. Догадывались об этом; мы догадались и о другом: чтобы понять это, надо слышать мало ума; поэтому паюшка в магазинах завтра будет всеобщей.

Мы скутим все. Мы потратим все теряющие смысл деньги. Мы опустошим не только прилавки, но и склады, и базы. И несколько лет понадобится, чтобы восстановить сокрушенную торговлю. Вот что будет у нас вместо перехода к рынку.

Меня до сих пор не оставляет изумление, которое я испытала, слушая тот исторический доклад Николая Ивановича. Неужели он и те, кто с ним рядом, не предвидели опустошительную, грозную панику? Но как же можно ее не предвидеть, если объявлено тотальное повышение цен на точный, довольно отдаленный срок?..

Или правы те, кто видит в том докладе дьявольский замысел?.. Ельцина предстояло выбрать (или не выбрать) на пост главы Российского государства. Ельцин — рыночник (он же межрегиональщик, а они там все рыночники, вместе с этим: Поповым, Собчаком, Фильшиным, прочими баламутами). А вот мы скажем: хотите рынок, верите этим сомнительным личностям — будет вам рынок. Рынок — это когда все стоит бесценные деньги и ничего нет в магазинах!

В этот замысел верить не хочется. Очень не хочется.

Но, по сестри говоря, как первый, так и второй — оба замысла рассчитаны на то, что мы все идиоты.

Паника грянула (с нами делают что хотят, раз им пришло в голову повысить цены, значит, их ничто не остановит; тем более, доклад сопровождался еще лицемерными призывами с нами же и советовать, у нас спросить, хотим ли мы повышения цен). А Ельцина — выбрали (не выставляйте нам рыночников врагами, во всем мире рынок — благо, весь мир живет лучше нас, а если у нас он превращается людям во вред, так не из-за себя самого, а из-за вас, из-за негодной власти).

/

страктым целям. Свои — ладно. Но и своих детей?! Когда закончится это жертвоприношение? Отказываюсь верить, что люди, начавшие перестройку, что Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе не того хотели, чтобы у нас была еда, лекарство, транспорт, одежда, а того, чтобы потенциал социализма раскрыть как можно больше.

Поставим вопрос ребром: потенциал социализма больше не раскроется, но жить будете по-человечески. Согласны? Выносите мой вопрос на референдум. На всенародный, товарищи, на всенародный. Получите уточняющие вопросы: и еда будет в магазинах? Без очереди? И в автобусе не раздают? И анализы в аптеках? И покурить?.. А работать можно будет в полную силу — чтобы дело в руках свое, чтобы своя земля, чтобы мой дом — моя крепость? И на демонстрацию с транспарантом «Слава КПСС!» никто не погонит? И книжку, какую хочешь, можно купить? И если социолог в ответ будет утвердительно кивать, ручаюсь, все ответят «а и хрен с ним, с потенциалом».

Передо мной «Московская правда» за 5 июля. Здесь экспресс-опрос о съезде. «Большая часть выступлений напоминает набившие оскомину еще во времена застоя речи на модных тогда партийно-хозяйственных активках». «Скукота! Перемывание старых идей, дикая тоска по сталинизму и брежневизму. Оторванность от жизни, цепляние за власть, агрессивность. Полное отсутствие конструктивных идей». «Настораживает единодушие выступающих о совмещении постов Генерального секретаря ЦК КПСС и Президента страны... Налицо отсутствие лидеров, что является результатом многолетней железобетонной стены между ЦК и партийной массой». «Проблемы, волнующие коммунистов и беспартийных, на съезде еще фактически не обсуждались». Это мнения главного металлурга, хирурга, начальника лаборатории. А последний афоризм высказан кем-то от имени и по поручению целой краевой парторганизации.

Многие на съезде по разным поводам вспоминают «могучий интеллектуальный потенциал партии». Сильно подозреваю, что в ближайшие недели мощь поубавится. Для многих невозможно мирное идейное сосуществование. Положенные социально активными гражданами сегодня не безвредно: есть ведь и другие партии. Не закиная коммунизмом, они готовы работать на благо соотечественников, готовы расчищать

авгиевы конюшни нашего вдрызг запущенного хозяйства, печить нашу измордованную землю. Они — практические гуманисты. (Коммунизм по Марксу — практический гуманизм, но не будем сейчас об этом...)

Но зачем же им — Господи, да скажешь ты, наконец над нами — зачем им состоять в одной партии с людьми, которые способны произнести вот такой, например, текст... произнести, выслушать с вниманием, понять, посочувствовать, аплодировать... Цитирую: «Я думаю, что мне следует остановиться на принятых решениях в мае 1985 года по вопросам борьбы с пьянством и алкоголизмом. Я не уйду от этого вопроса. Вопрос не стоит так — начинать эту работу или не надо. Справедливости ради давайте вспомним, как народ вздохнул, когда был поставлен заслон пьянству. Однако самокритично скажу, что эта очень важная работа оказалась не до конца продуманной. Прежде всего была иллюзия, видимо, у меня, что столь затажной, коварной недуг можно было одолеть наскоком. К тому же на антиалкогольную кампанию в значительной степени свалили, да и сейчас сваливают расстройство финансового хозяйства в стране».

Ну-с, уважаемые члены союза читателей, попробуем с карандашом. Обратите внимание на самостоятельность каждой из вышеприведенных фраз, на то, что ни одна из них логически никак не связана с предыдущей. Обратите внимание и на то, как можно выделиться, не выисывая, а нападая, себя, любимого, выгораживать. А что за лексика, что за стиль, что за обороты... Кто ж нами правил, сограждане, кто нами правил все эти годы?!

Иллюзия у человека, видите ли, была, что можно наскоком. И такая человеку дана была неслыханная власть, что, более им на чем не основываясь, кроме этой иллюзии, он «постановил» — и по его воле унижены миллионы людей, порождена мафия, с которой мы неизвестно когда теперь соладдаем, погублены столетиями целевые винограды плантации, доведен до самоубийства хранитель древнейшего ремесла, открылась роковая прореха в бюджете страны, чуть не вся страна стала варить самогонку...

Бурные аплодисменты... Я привела типичную для съездовских речей цитату. «Московская правда» — газета, до сих пор не отличающаяся прогрессивностью воззрений, так проиллюстрировала съезд. Стоит кремлевский дво-

рец, а из всех окон вылетают восклицательные знаки. И трубочкой указывая на них, Сталин говорит Брежневу:

«Наши пока не сдаются».

Да, плохо дело на съезде. Похоже, что в сочетании с учредительным Российским он принесет такой результат: организационно оформится партия правящей верхушки партаппарата. Присвоит себе звание КПСС. И заживет.

Что ж, если есть единомышленники, значит, может быть и такая партия. Но глава нашего Российского суверенного государства Борис Николаевич Ельцин в блестящей речи на XXVIII съезде очень точно предсказал ее судьбу. И я не буду портить этот текст изложению.

Генералы, выслушав Ельцина, ладошки не сблизжили. Не одобряют. От них ни хлопочка. И если в этой стране еще остались люди, которые чего-то боятся, они этой генеральской тишины испугались. А дети, старухи, усталые женщины — те ничего не поняли. Да и ни во что не выжили. Вот за них только и страшно. И жалко их... «Все позабудется» вокруг, отстронится столица... Детей разбуженных испуг веками не проститесь».

...И Бог все-таки хранит Россию. Когда кажется, что все, конец, нечем дышать — вдруг приходит Горбачев. Когда ясно, что ложь одолевает, вдруг выходит на трибуну Сахаров. Вдруг простое, усталое, чистое воздвигнется над трибуной лицо Травкина. Или тихий, ироничный Попов вдруг возвысит в тяжкую минуту голос: «Я протестую против трехминутного съезда». Сдвинув трагические брови, бросит в зал Юрий Афанасьев: «Обращаюсь к вам, представители агрессивно-послушного большеинства...» Твердо положит на стол перед собой сжатые кулаки Лушков: «На хозяйственной» — отвечая на вопрос «На какой вы платформе?» Корректно, но непреклонно объяснит Собчак, почему партийный съезд не должен писать ультиматум съезду народных депутатов. И посреди невнятных, но пафосных и агрессивных речей вдруг поднимется на трибуну Ельцин и скажет прямую, честную, бесстрашную, умную, красивую правду, такую, что люди будут с гордостью говорить друг другу: вот наш-то президент, Российский, лучше всех там, на съезде, сказал. (А я в том автобусе, нарочно: «А мог бы у нас ведь и Полозков президентом-то стать». «Да ты что, октябрь, говоришь?! Кто это, Полозков? У нас Борис Николаич!»)

И вот, когда паника грянула и магазины за день превратились в пустые помещения (в нашем продуктовом вечером были трехлитровые банки гранатового сока и пакеты с лавровым листом), — собралась сессия Моссовета.

Торговля по паспортам.

Нелегко им было решиться на эту меру. Горькая она.

Но сидя в тот вечер с ними (я — у телевизора, они — в зале заседаний), я понимала, что другого выхода у нас нет, власть заботится не о себе, не о своем престиже, об облике города, не о высоких отвлеченных понятиях, не о вышних интересах — обо мне, москвичке, которой завтра в магазине идти и семью кормить.

Власть переменялась! Человека ей больше не безразличен. Имея некоторое представление о московском хозяйстве, представляю себе, чего стоило Моссовету после нашего опустошительного набега наполнить полки.

Никогда — ни разу в жизни — до этих дней я не чувствовала себя в этом городе горожанкой, москвичкой. И вдруг... Оказывается, в магазинах бывает просторно. И в автобусах. И в метро, даже можно сесть. Оказывается, наши продавщицы улыбаются... «А порежьте-ка мне, будьте любезны, сто граммов сыру!» — просит старичок. — «С большим удовольствием!» — отвечает продавщица. — Не разучились! Кушайте на здоровье!»

И это — не в юности! — Нет, они не зажали в кулак все наши московские фонды — они сказали периферии: оставьте у себя то, за чем ваши люди ездят в Москву, гоня машины и автобусы, сжигая время, здоровье, бензин; деньги, отпрашиваясь с работы, превращая Москву в большой проходной двор, во всесоюзный гастроном. Оставьте у себя — пожалейте и своих земляков, и наших.

Наша московская власть сделала только то, что должна делать нормальная власть, — защитила наши, москвичей, интересы.

Мы ведь забыли, мы даже не знали, для чего власть! А ведь власть именно для этого, именно для того ее люди и выбирают, чтобы она защищала интересы тех, кто ее выбрал.

Раушниця сегодня в нашей стране к власти — великие люди. Они хотят и понимают, что могут помочь нам выкарабкаться. Они рискуют, они отчаянно смелы, они пренебрегли собой и своими интересами. И хватит вам, Егор Кузьмич, позорить раушницю к власти.

Правильно, правильно, вас они хотят сместить и заменить, вы не ошиблись, никто и не скрывает. Ваша власть была слишком долго и до слишком большой довели нас беды. А выглядите вы для своих лет превосходно, пахать, извините, можно. Неплохо вам, власти, жилось. И не уверяйте нас в обратном. В тех автобусах, в которых мы ездим, вашего возраста таких холеных, пощенных, ухоженных мужиков не бывает.

И было второе событие — выборы Ельцина. И декларация о нашем российском суверенитете. И работа нашего Российского парламента, с каждым не днем, а часом становящаяся все более умной, спокойной, уверенной.

И опять новое, не испытанное ранее чувство: я почувствовала себя гражданкой России. Я увидела свою, российскую власть и еще яснее поняла, что власть переменялась...

Не сомневаюсь, что многие тысячи россиян почувствовали то же.

И когда бушевал съезд Российской компартии, это было только грустно и смешно. Грустно, потому что так нелепо объявлять о создании новой партии, не провозгласив программу. Смешно, потому что люди были настолько самоуверенны, что объявили всех коммунистов России членами новой партии, их не спросив, словно это призыв на воинскую службу. Грустно, потому что без стыда сокрушались об уходящей из их рук власти. Смешно, потому что, функционируя десятилетиями в аппарате, забыли нормальный русский язык, забыли, как люди говорят. Грустно, потому что трепали слова «коммунизм», «социализм» и «марксизм», не понимая их смысла, дискредитируя святые идеи, за которые тысячи лучших соотечественников, от Авакума, шли на каторгу, в тюрьмы, в ссылки. Смешно, потому что выбрали себе лидером человека, который прямо заявил, что готов идти, куда бы ни послала партия, а она ведь за семьдесят лет куда только не посылала.

Генералы присягали в верности партии... Какой? Коммунистической. Полозков коммунист, Лыгачев коммунист и Нина Андреева коммунистка. Но ведь и Ельцин, Попов и Собчак тоже коммунисты. Почему же генералы присягают части партии и грозят побить камнями другую часть? Та часть — лучше? Та — настоящая? А кто рассудил?

Была свистопляска вокруг рабочих: ах, мы так их уважаем, ах, дадим им, безмандатным, право

решающего голоса, ах, это все сомнительные личности довели нашу партию до того, что на Учредительном съезде так мало рабочих. Были профессиональные женщины, требующие для себя квоты. Была позорная попытка направить съезду российских депутатов петицию, чтоб не вздумали принимать декрет о власти. И не

(Окончание на стр. 15)

(Продолжение, начало на стр. 3)

менее позорное принятие приветствия, тому же съезду — за час до его окончания текст отдал редакционной комиссии «подработать».

Все было, а вот реальной жизни не было. Как сон. Рассказывать-то его и то неинтересно.

И вот на таком-то фоне — XXV съезд КПСС. Недавно он казался таким необходимым, что все требовали провести его как можно раньше. В самом деле, несколько месяцев назад интерес к нему, пожалуй, был бы велик. Теперь...

Ну, как можно отнестись к съезду, на который в полном составе переместились Российский учредительный? Чего от такого съезда ждать?

Если все республики наши равны и суверенны, то ведь и на всесоюзном партсъезде от компартий должно быть равное представительство, разве не так? И разве не в первую очередь о том, как помочь Советам, должен говорить съезд партии, которая так долго была у власти? И разве не самая главная должна быть тревога о том, как получилось, что партия оказалась в оппозиции к народу и советской власти? И разве не надо в самый первый же день хоть отменить нелепое заявление партии Полозкова, что все коммунисты автоматически входят в нее?

Нет, ничего подобного не происходит. Десять дней напряженными голосами все провозглашают с трибуны речи, которые нельзя пересказать. «Позвольте мне, товарищи, напомнить вам, с какой целью началась наша перестройка». В самом деле, Егор Кузьмич, напомните. А то мы последнее время стали думать, что с целью улучшения нашей жизни. Забылись, наверное. Точно, забылись: «Ведь с целью наиболее полного использования потенциала социализма».

Если бы оратор сказал эти слова в том деревенском магазине, с которого я начала сегодняшний день, его бы отметелили.

Люди больше не могут посвящать свои единственные жизни аб-

Т. ИВАНОВА. РАЗМЫШЛЕНИЯ О СЪЕЗДЕ КПСС

(5)

И полковник Любимов вернет
родному КГБ свою награду в знак
протеста против лишения наград и
званий генерала Калугина.

Мы ушли за этот год далеко-далеко — и никогда назад не вернемся. Нам не успеть к человеческой жизни! И падно. Счастье уже то, что мы дожили до бремена, когда Сталина можно назвать папачом, удушение Пражской весны — тяжким преступлением, когда можно поклониться в ноги обществу «Мемориал» и не выбириш проголосовать, за кого считаешь нужным, а остальных вычеркнуть. Ведь не чаяли же дожить, не надеялись.

Теперь наше дело — на всю катушку использовать отсутствие инстинкта самосохранения и работать, не покладая рук, поддерживая все, что стремится к демократии, к свободе, изо всех сил помогая лучшим людям нашего общества, «дорвавшимся до власти», «рвущимся» к ней.

Вряд ли в нашей жизни сегодня есть хоть что-нибудь более обременительное, чем власть. Особенно, если учесть, что «есть и такая партия». Вот собственно и все. Гражданской войны бояться не надо. Как бы мы ни спорили,

никто ни в кого стрелять не будет.

Правда, кто-то прислал, помнится, Полозкову записку: «Армия вся за вас, Иван Кузьмич». Но я полагаю, что автор этой записки сильно преувеличивает.

Правда, генералы ладошки не сблизили, выслушав Ельцина. Но ведь они только отдают приказы. Солдат из казарм выводят лейтенанты. Не скрою, мне легко представить себе генерала Макашова, отдающего подчиненным роковой приказ. Но не скрою и того, что мне жаль в этом случае генерала Макашова. Ведь все, слышали не только его выступление на учредительном съезде — но и выступления других военных, на других съездах.

И в армии, и в КГБ разные люди. Потому даже такой, кажется, единственный теоретически допустимый вариант гражданской войны: армия и КГБ под руководством партии верхушки партаппарата — против народа и Советов — даже такой вариант практически невозможен.

Будем же — по Льву Толстому — делать, что должно. И пусть будет, что будет.

В СССР ЗАМОРОЖЕНА ГРАНДИОЗНАЯ СТРОЙКА — СТРОИТЕЛЬСТВО ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

« Н О В О Е В Р Е М Я » № 7 91

5

Ж Е Н С К А Я Л О Г И К А

Дожили

Татьяна
Иванова

**Говорят:
люди устали
от политики.
Говорят:
жизнь
продолжается.
Но ведь
жизнь
продолжа-
лась и в
1937 году,
и в 1943-м**

В друг взвизгивается телефонный звонок. Среди ночи это всегда неожиданно:

— Ленинград — срочно! — командует голос моего друга.

И одной рукой врубив кнопку ленинградской телепрограммы, другой я набираю номер одного дружеского дома, другого, третьего:

— Ленинград — срочно!

И еще через час, без скольких-то два ночи, мы опять перезваниваемся, говорим друг другу «спасибо» и сговариваемся, что, если кто опять случайно поймает, чтобы ничем не смущался, звонил в любое время.

Что же это за чудо мы поймали по ленинградке? Выступление Председателя Верховного Совета России Бориса Николаевича Ельцина первого февраля в Зеленограде.

Дожили... На следующий вечер я случайно нашла в эфире еще какое-то его выступление, сквозь треск и помехи, может, Англия передавала, может, Франция.

Литве, помнится, объявляли экономическую блокаду. России — информационную. До телеэкрана не допускают. С первой программы радио в с «Маяка» — прогнали. Не то, мол, вещаете, пошли прочь. Что? У половины России трехпрограммников нет? Ваши проблемы.

Говорят: жизнь продолжается. Говорят: люди устали от политики. Говорят: ты же женщина, ну напиши что-то про жизнь, про обыкновенную жизнь, ведь люди не могут постоянно пребывать в напряжении, читать одни политические декларации.

Дорогие мои... Ну конечно же, жизнь продолжается. Вон галки за окном кричат — к теплу. День подрос, к солнышку сосульки капают. Весна света. Самое мое любимое время года. И дети, бываст, смеются. И влюбленные держатся за руки. Но ведь она пока что не прерывалась, жизнь-то. Она продолжалась и в 1937 году, и в 1943-м. Посреди кромешного ада меня

родила моя мама — жизнь продолжалась. Этим словосочетанием можно без конца обманывать маленьких, стареньких, юных, в ком инстинкт жизни слишком силен. Можно обманывать мужчин — они склонны к философствованиям и отвлеченностям, способны к абстрактному восприятию. Но женщину — женщину обмануть нельзя.

Вот в самом начале этой заметки я нарисовала картинку. Она из жизни или из политики? Вглядитесь в другую. Я стою в очереди в подмосковном городке в абсолютно свободном от продуктов магазине за буханкой хлеба. И понимая, что мне не достанется, тихонько спрашиваю соседок: зачем все по десять буханок берут? Курам? Почему это «курам»? Себе берем, отвечают мне. Сушим. «А что, мы с голоду должны подыхать?! Ведь скоро война!»

Почему, спрашиваю совсем тихо, почему, откуда война?.. Гражданская война, отвечают мне. Семнадцатого марта начнется. Везде будут стрелять, как в Литве, чтобы не отделялись от Советского Союза.

Это жизнь, товарищи мужчины? Или политика? А мешок соли, который доволокла старуха из магазина до своего крыльца, а в крыльцо затащить не может, сидит, пригорюнься. А семена махорки на базаре — три рубля за чайную ложку плюс инструкция, как растить. А сверкающие глаза знакомой учительницы: «Я всю жизнь честно учила детей! Я классный руководитель! Я заслуженный учитель! А теперь я должна доказывать какой-то комиссии, что пятьсот рублей я не украдала?! Да подавитесь! Я не хочу такой жизни!»

Формулирую мироощущение хранительницы очага: очаг беззащитен, угрозы ему — со всех сторон. И какие угрозы! Голода. Холода. Физического разрушения. Унижения и даже уничтожения тех, кто вокруг этого очага еще согревается.

Из памяти не уходит строка: «Мы живем, под собою не чуя страны».

Ни галки за окном, ни соулъки, ни беззаботные дети — ничто не обманет. То, что сейчас продолжается, вовсе

на самом деле не жизнь. Если я за свои деньги не могу купить, не могу достать, не могу вымолить у огромного государства простое лекарство для моей мамы, никакая другая жизнь, кроме единственной, ее, меня не касается. Если все мое честное семейство, вся жизнь трудившееся, не уверено, что нашего единственного ребенка не ждет сиротство, унижения, голод, — жизнь для нас остановилась.

И если до 13 января у нас была надежда, что все идет к лучшему — к свободе, покою, миру, то тринадцатого ее раздавили вильнюсские танки. Если можно опять лить кровь своих соотечественников, если можно опять считать, что это средство оправданно какой-нибудь целью, то надеяться больше не на что.

В СССР заморожена грандиозная стройка — строительство правового государства. На неопределенный срок. Вы всерьез думаете, мои дорогие, что в условиях чрезвычайки продолжается жизнь? Да нет же, это в лесу, в поле, на грядке она продолжается.

При относительно мягкой хрущевско-брежневской диктатуре КПСС люди тридцать лет только делали вид, что они работают. Безобразно работали, халтурили, воровали, ловчили и пьянствовали. Но очень хотели работать. Стон стоял по всей стране: дайте работать! В годы перестройки встепенулись, поверили, что будет оценено обществом и мастерство, и инициатива, и предприимчивость. Поверили, что над каждым трудящимся не будет по пять начальников. Похоже, что зря поверили...

Что, начальникам это не понравилось? Решили, что работягам нужен ротный старшина? Нет, на диктатуру они работать не будут, исключено. Под дулами можно тачки возить, правда. А что чуть-чуть посложнее, где надо ум приложить, душу, где надо с настроением, а еще лучше с вдохновением... Нет, гражданин начальник (начальники — ведь их уже и больше чем пятеро!), мотор не крутится, пимпочку заело, за другой надо на склад идти, и гаечного ключа нету. Жидковата баланда, гражданин начальник.

Из дневника читателя

СТИЛИСТИКА МОМЕНТА

(ЖИЗНЬ ПО ЛЖИ? ИЛИ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ?)

Татьяна ИВАНОВА

Склонные к просветительству издания (например, «Неделя») кротко наставляют: надо говорить Эр-Эс-Эф-Эс-Эр, а не Рэ-Сэ-Фэ-Сэ-Рэ, как у нас принято.

А давайте проведем референдум с таким вопросом: как нам называть свою страну — РСФСР, или Россия, Российская Республика. Полагаю, что результат референдума не трудно предугадать. Существует врожденное чувство грамотности, врожденное эстетическое чувство. Даже самому наивному в политике, самому неуклюжему в науке о языке они подскажут ответ: конечно, Россия. При минимальной натренированности ума последует и уточнение: Российская Федерация, Российская Республика.

Можно предсказать и число сторонников аббревиатуры. Умеющие пользоваться электронной счетной машинкой через минуту назовут это число. Не сообразившим, как считать, подскажем формулу. Составьте пропорцию: общее число народных депутатов России, голосовавших по вопросу о частной собственности на землю, относится к числу депутатов, голосовавших против введения частной собственности на землю так, как число принимающих участие в референдуме относится к числу желающих сохранить аббревиатуру «РСФСР». Простейшая система уравнений с одним неизвестным.

А можно считать и еще проще. Девяносто голосовавших на Российском съезде «против» частной собственности на землю были партийной номенклатурой. Сосчитать ее в масштабах всей России, да и вычестить. Вот, без хлопот и напряжения, и результат референдума с предложенным мною вопросом. Вы скажете: ну, не вся же партийная номенклатура... Даже и на Российском съезде были ее представители, голосовавшие по здравому смыслу, а не по инстинкту самосохранения в сочетании с партийной дисциплиной. Вы правы, конечно, но допуски тут минимальны. Они вполне (а то и с лихвой) уравниваются допусками на интриги и фальсификации партийной номенклатуры с референдумом.

Результат референдума о судьбе Союза тоже нетрудно предсказать. БТРы в честь этого референдума уже пришли в большие города. Значит, скопляться больше трех уже нельзя — нарушение общественного порядка. Теперь надо приостановить действие Закона о печати.

И тогда больше никто — ни ораторы на митингах, ни храбрые печатные издания — никто не сможет объяснить людям, какая всесоюзная ловушка этот всесоюзный референдум.

Много ли в стране людей, способных осознать, как велика дистанция между словами «сохранить» и «обновленный Союз»? Можно уверенно ответить: таких людей во всяком случае не большинство. А кто же не хочет жить в стране, где соблюдаются права человека? Все! Вот вам и результат будущего всесоюзного референдума. Нечего на него и деньги тратить, лучше бедным раздать. Большинство скажет: «да».

Стало быть, у организаторов референдума будут развязаны руки. Ведь они не спрашивали нас, каким способом, какой ценой мы согласны сохранять Союз. Значит, к способу, к средству мы безразличны. Нас волнует только цель. Значит, полстраны можно превратить (с согласия народа!) в братское кладбище, но Союз — сохранить.

Хозяева, действуйте, как действовали в Литве, цель оправдывает средства — вот какой ответ ожидают от всесоюзного референдума его организаторы. И вот какова, стало быть, стилистика нынешнего момента.

Неужели кто-то еще так наивен, что думает, будто БТРы — в честь нашего недовольства повышением цен? Да таких недовольных можно из тол жарного штыга разогнать, особенно при нашей холоднине. Нет, БТРы испытали в Азербайджане. Там при БТРах провели выборы на многопартийной основе. И получилось очень хорошо: подавляющее большинство голосов — у коммунистов. Подавляющее. В том самом, заметьте себе, Азербайджане, который одним из первых объявил собственный суверенитет и тысячами сжигал партбилеты. Нет лучшего воспитателя для народа, чем БТР. И это единственная наука, единственный урок, единственный опыт, которым безупречно владеют, который усвоили наши партийные вожди за все время своего пребывания у власти.

В годы застоя в критике бытовало сложносочетание — «политический роман». И немало мастеров слова списали себе славу

именно в этом жанре. Сюжетом становилась передовая статья из «Правды», фибула зависела от фантазии члена (в чаще секретаря) союза писателей, построение характеров действующих лиц — от ремесла инженера человеческих душ. (Родительные падежи нанизаны друг на дружку сознательно, по мнению автора, так достигается смеховой эффект). А читать это было нельзя и не надо.

Так вот, политический роман без кавычек — наша сегодняшняя жизнь. Причем замечательно интересно: язык действующих лиц очень ярок. Не только филологов, но и школьников на уроках литературы учат обращать внимание на речевые характеристики героев. В самом деле, речь, язык говорят о человеке больше, чем самое точное описание его внешности, манер, чем самый подробный рассказ о его жизни, иногда даже больше, чем поступок, который может ведь быть и случайным, и немотивированным, и нарочитым, и обусловленным некой роковой неотвратимостью.

Именно диалоги и монологи в рассказах, повестях и романах прежде всего свидетельствуют о мере таланта, об искусстве писателя. Наши монологи правдивее любых описаний, точнее свидетельств рассказуют о нас желающему понять нас, представляют нас миру, потомкам.

Единственное, чего не фиксирует, например, стенограмма внеочередного съезда депутатов России, — степень напряжения голосовых связок. Стенографистки не делают помет «орет», «надрывается», «кричит», «надседается», «вопнт».

— Вы заметили, что представители блока «Коммунисты России» начинают орать еще по дороге к микрофону? — спросил меня друг. — Заметила, — ответила я ему, — кто же не заметил... Это у них называется «выйти из окопов», «перестать отсиживаться», «пойти в атаку».

За многие дни работы российской сессии Верховного Совета (до внеочередного съезда) мы привыкли к спокойным, доброжелательным речам, к нормальному человеческому языку. На Российских парламентских заседаниях говорили в основном о насущном. И спорили-то мирно, по-человечески, без ненависти, без истерик. Российский парламент приучил к нормальным словам, к естественным, нефорсированным голосам.

И вдруг! Люди выхватывают микрофоны друг у друга: нет, не о земле! не о возрождении России! не о том надо говорить! есть неотложный вопрос! о котором весь народ только и думает! изменить повестку дня! отменить! немедленно! нам подбрасывают! нас хотят увести! кому-то выгодно! мы знаем, в чьих интересах! самый важный вопрос!

Господи, какой? О союзном договоре, оказывается... А крику... А злобы... А слова всё полумертвые или совсем неживые...

Любого из надрывающихся ораторов — в переполненный автобус, в очередь, в толпу, в метро, на эскалатор: пусть-ка

попробует там сказать, что кричит здесь, в микрофон. Ну, пусть попробует составить речь из «нам подбрасывают», «социалистический выбор», «созидательная деятельность советского народа», «развитое социалистическое общество»...

Бой за частную собственность на землю был таким долгим, таким непримиримым, блок «Коммунисты России» стоял «против» столь решительно, будто и впрямь защищал последний рубеж. И стало казаться, что демократы, что реформаторы, что сторонники реальных перемен его проигрывают. Так явно стало казаться, что один из них на заседании Верховного Совета обратился к коллегам то ли с вопросом, то ли с призывом: что ж, мол, судя по всему, съезд не согласится с нами принятыми законами, придется нам уйти в отставку...

И невозмутимый Руслан Хасбулатов спросил: это откуда же вдруг такие упаднические настроения, какие для них основания? Нет, сказал Хасбулатов, наоборот, всё будет хорошо, все, что мы наметили, будет принято, здравый смысл торжествует.

Вышло по его предсказанию. Когда добрались до голосования, выяснилось,

что крику, страшных слов, воинственности и непримиримости много, а реальных людей за всем этим богатством всего девяносто человек. Среди них только один рядовой работник сельского хозяйства. Остальные — партийная номенклатура, в основном секретари обкомов партии.

Эти девяносто на съезде о частной собственности на землю «пошли в атаку» первый раз. В Литве пошли второй раз. В Латвии — третий. Эти девяносто захватили телевидение в Вильнюсе. И выдали ордер на всесоюзный обыск. И теперь расставляют всесоюзную ловушку.

Не эти девяносто? Другие? Нет, именно эта часть общества. Именно такая часть. Партия — малая часть нашего общества. А ее правящая верхушка лишь часть, часть. Командующая, однако, БТРами.

...Российская? Пожалуй, Российская. Советская? Ну, какая же, право, советская? Партийная, номенклатурная, никогда не бывшая советской, пытающаяся, но не умеющая ею стать, разочаровывающаяся в теоретически разработанной, но практически не применимой форме правления. Федеративная? Тоже нет, автономии были бесправны, атрибуты федерации лишь декларировались. Социалистическая? Но если устройство нашего общества называть социалистическим, тогда надо признать умственно неполноценными десятки и сотни умнейших людей, в течение веков думавших о социализме. Республика? И тени нет — есть и была несколько десятилетий подряд диктатура верхушки партаппарата.

Так что РСФСР — как ни произноси, хоть «э» спереди, хоть «а» сзади, — сама по себе есть концентрированная ложь. А никакую ложь нельзя отстаивать и защищать спокойными, нормальными, естественными для человеческого уха, простыми, понятными словами. Только криком, сном, напряжением голосовых связок, пагетанием метафор, сравнений, готовыми словесными блоками, не подлежащими разъятию, грохотом аббревиатур, умеющих целиться и стрелять, хватать, выслеживать, сажать. И лучше всего ее отстаивать, конечно, БТРами.

Проект новой Российской конституции весь написан так просто, так прозрачно и ясно, что сам язык, сам стиль проекта будто говорит; мне нечего скрывать, незачем хитрить и лукавить, не для чего напускать туману. Любой грамотный гражданин поймет, что мое содержание гуманно и благородно.

Прочтите же, на каком новоязе написаны протесты этому проекту «от имени трудовых коллективов». На том же, на каком писались заявления комитетов национального спасения. На том же, на каком сегодня вещает программа «Время». Не так давно издательство «Прогресс» выпустило в свет книгу «Генрих Манн — Томас Манн. Эпоха, жизнь, творчество. Переписка, статьи». Из этой книги я выписала несколько строк специально для членов союза читателей. Это довольно замысловатые, но очень умные строки, в них глубокая и сложная мысль. Мне кажется, однако, что, не пытаясь вникать в трудные книги и постигать глубокие мысли, совершенно невозможно адекватно оценивать и то, что кажется очень простым, — реально, на глазах совершающееся и становящееся историей.

Итак, для желающих отнестись к проблеме стилистики всерьез: «Тайна языка велика. Ответственность за язык и его чистоту носит символический и духовный характер, смысл ее отнюдь не только художественный, но и общественный, она — сама ответственность, она — и просто чувство человеческой ответственности, и готовность отвечать за свой народ, за сохранение чистоты его образа в глазах человечества, и в этой ответственности воплощено единство человечности, целостной гуманистической проблемы, которая не позволяет никому — менее всего сейчас (писатель говорил о своем времени, но так совпало, что будто о нашем. — Т.И.) — отделить духовно-эстетическое начало от политическо-социального и уединиться в области чистой культуры».

От сложного шагнем теперь в просту-

ту. Замечено всеми, многими и прощучено, просмеяно такое современное языковое явление: прямо-таки массовая склонность в глаголах, типа «начать», «принять», «занять» ставить ударения на первом, как Михаил Сергеевич, а не на втором, что соответствует нормативному произношению, слоге. Элемент областного говора оказался настолько заразительным, что не только партийные работники, но и люди с гуманитарным образованием, филологи, ведущие телепрограмм — чуть не все передают родные глаголы из подражания! Что здесь? Это невольно? Под обаянием неправильно говорящей личности? Или надо сравнивать нынешнее искажение речи с массовым грузинским акцентом, поразившим общество в сталинское царствование? Или то, другое, а есть еще и третье? Языковой экстремист, крайний стилистический радикал заговорил бы, пожалуй, о рабстве, холопстве подражающих, написал бы гневную филиппику о тех, кто коверкает родной язык в угоду главе государства.

Но я-то отлично помню урок, преподанный мне в университете совсем стареньким Дитмаром Эльяшевичем Розенталем. «Как правильно, — спросил он, — «в отпуске» или «в отпуску»? «В отпуску» — ужасно! — сказала я. — Конечно, «в отпуске»! Он подошел ко мне: «Милая моя... В жизни столько куда более ужасного... Не надо ужасаться таким пустякам, можно и «в отпуску», что уж, в конце концов...».

Вспоминая Розенталя, нашего вечного «справочника» (кто из пишущих не держит на столе его книгу? а кто из не имеющих ее о ней не мечтает? — обращаю внимание издательства и издателей), я не стану впадать в пафос из-за неправильных ударений. А только скажу: за Михаила Сергеевича можно не волноваться. Когда столько людей ему подражают.

Давным-давно, еще до того, как мы избрали Бориса Николаевича Ельцина, еще до того, как Попов и Сббчак возглавили Моссовет и Ленсовет, я писала заметку под названием «Единственный, в котором лучше». Катастрофически пустели тогда прилавки во всех магазинах, в разряд дефицита переходило обыкновенное мыло, в продовольственных выстраивались очереди за крупой и мукой — а прилавки книжных магазинов начали богатеть. Я запомнила слова, сказанные тогдашним главой Госкомиздата М.Ф.Ненашевым в каком-то интервью: «Внутриведомственные инструкции и запреты, ограничивающие самостоятельность издательств, которые мы отменяем

(4)

сейчас, надо не считать, а взвешивать. Мы отменяем их не десятками, а килограммами». Результат этой давней работы у всех перед глазами. Сегодня книжные магазины — единственные из всех магазинов вообще — торгуют. Причём хорошо торгуют, можно купить книгу, о которой два, три года назад нельзя было и мечтать.

(К сожалению, руководя телевидением, Михаил Федорович снял с повестки дня лозунг «Отменим запреты на свободу не на счет, а по весу». Но теперь понятно, какие «указания» получал Ненашев, руководя телевидением... Стало понятно, когда Кравченко принялся так истошно их выполнять.)

Слова «отмена запретов», кажется, вообще рискуют оказаться вне стилистики момента: «партия порядка» мечтает вычеркнуть их из всех словарей. И «работа адава будет делаться и делается уже».

Речь о процветающих книжных магазинах я завела, чтобы сказать о книге «Собрание стихов» Владислава Ходасевича, недавней своей драгоценной покупке. И привести отрывок из его гениального стихотворения, который будет здесь, в заметках о стилистике момента, весьма уместен:

Я — чающий и говорящий.
Заумно, может быть, поет
Лишь ангел, Богу предстоящий, —
Да Бога не узревший скот
Мычит заумно и ревет.
А я — не ангел осиянный,
Не лютый змий, не глупый бык.
Люблю из рода в род мне данный
Мой человеческий язык:
Его суриную свободу,
Его изливистый закон...
О, если б мой предсмертный стои
Облечь в отчетливую оду!

Мне нечего прибавить к этим мужественным, мудрым, дивной красоты словам. Эта страница моего дневника кончена.

— — —

СП